

Кристалл Героя

Доминик

Доминик Доминик
Кристалл Героя.
Том 2: Одиссея
Серия «Кристалл Героя», книга 2

*<https://litres.ru/73966011>
SelfPub; 2026*

Аннотация

«Во время войны наш герой в одиночку заморозил целое море!
Если бы не он»

История — чушь.

Герой легенды — Селена Ригельман, посмертно обвинённая в предательстве.

Во втором томе «Кристалл Героя» Лилиас едет на север, чтобы спасти её. Но люди, которые должны были её видеть, всё отрицают. Те, кто знает правду, скрываются.

Окажется ли он следующей жертвой тех, кто стирает память о ней?

Лилиасу предстоит столкнуться с ними и сохранить единственное, что у него осталось — правду.

Содержание

Глава 1 — Одиссея	4
Глава 2 — Прибытие в Пасфур	20

Доминик

Кристалл Героя.

Том 2: Одиссея

Глава 1 — Одиссея

Ящики были тяжелыми. Если бы в прошлый раз, готовясь к отбытию, он вызвался помочь, точно бы лишь под ногами крутился.

С глухим ударом поставил ящик в телегу. Смочил горло слюной.

Поворачиваться не хотелось. А стоило бы.

Краем глаза покосился на маму. Она уже немного успокоилась, но все еще тяжело всхлипывала.

Вздохнул.

Развернулся к ней, подошел.

— Лучше?

Мама дрогнула. Не поднимая головы, кивнула.

Он осмотрел ее. Сжал руки.

Шагнул вперед. Прижал к себе.

Она замерла в его руках. Затем медленно расслабилась. И он снова услышал тихие всхлипы.

Ресницы Лилиаса дрогнули.

Мама пахла травами. Его плечи опустились, он выдохнул.

Когда-то он уже стоял перед ней так, когда пришел с заявлением об уходе в армию. Она понимала, что не переубедит его. Он понимал, что именно делает и как это выглядит в ее глазах.

Это не изменилось.

— Я буду писать письма. Из каждого города, обещаю, — он подул на волосы, которые щекотали ему щеку.

Она сильнее сжалась и крепче скомкала его плащ со спины.

— Госпожа Камилла, отставить волнение!

Голос Гинура был громким. Он хлопнул их обоих по спине.

Лилиас разжал объятия и поднял взгляд.

— Парнишка посмотрит мир, сделает все дела и вернется новее, чем был! Нечего всю жизнь прозябать в столице, правильно говорю?

Гинур щурился фиолетовыми, как цветок у обочины, глазами и смотрел на Лилиаса.

— А-ага... — кивнул.

— Я внимательно за ним прослежу. По старой дружбе и не такое сделаешь, чего мне стоит? — он вскинул руками.

— Осторожнее... Пожалуйста, будь осторожнее. Не отходи от Гинура...

— Мам, — почти перебил ее. — Я понял.

Она шевельнула губами, силясь что-то сказать. Но поджа-

ла их. Кивнула, опустила взгляд.

— Ладно, запрыгивай, — Гинур похлопал его по плечу и обошел повозку.

Лилиас проследил за ним. Посмотрел на маму. Улыбнулся.

Запрыгнул на козлы.

Когда они двинулись, мама шевельнулась, словно хотела побежать за повозкой. Но остановилась. Только смотрела вслед. Долго смотрела. Он махал ей рукой.

Они скрылись за поворотом.

Лилиас вздохнул. Опустил руку.

Сел прямо.

Второй раз, когда он покидал столицу. Перед мамой получилось сдержаться, но сейчас Лилиас чувствовал, как его сердце набирало обороты. Дышать становилось тяжелее. Глядя на лес впереди. Зная, что он оставляет.

От тряски повозки кулон под одеждой стучал по ребрам. Он аккуратно коснулся пальцами кристалла сквозь ткань.

Он тренировался. Каждый день, до полуночи и больше. Пару дней назад, глядя на себя в зеркало, заметил, что немного набрал. Мышцы стали крупнее, отчетливее. Может, даже немного порос?

Но лицо все то же. Каштановые волосы, темно-синие глаза. Все, как у отца.

Папа жил службой, тренировался каждый день. Чувствовал ли он себя уверенно, когда уходил на войну? Чувствовал

ли, что справится со всем?

Или он чувствовал себя так же?

Она знала, что мне будет страшно.

Он усмехнулся.

— О-о, уже развеялся? — Гинур взглянул на него. — Ах, если бы моя покойная матушка прощалась так каждый раз, когда я уезжал... Я бы давно женился.

Лилиас приподнял одну бровь.

— Это тут при чем?...

— Камилла только и рада оттягивать момент, знаю я ее, — смотрел прямо, на дорогу. — Да вот чем дольше возишься, тем тяжелее. Не сердчай, что прервал вас.

Лилиас поджал уголок губ.

— Ничего. Спасибо. И что согласились взять с собой тоже...

— Что уж там. Если сын Фрациаса хочет путешествовать, грешно отказать. Только странное дело. У тебя же и работа аж в замке, и не похож ты на авантюриста. Что за идея отправиться на север?

Он помолчал. Они уже двигались меж полей, с которых недавно спал снег.

Гинур прав — выглядит странно.

Селик тренировался с ним, используя все свое свободное время. Как услышал, был против этой идеи, но продолжал. И в итоге пожелал ему удачи, попросил иногда писать.

Молли, услышав его идею, вдохновилась. А вот ее мама,

Змии, отнеслась с сомнением. Она точно подумала: “Как он влияет на мою дочь?”, но ничего не сказала.

С Реной они больше не общались, и она не искала встреч. И Руби тоже.

А мама...

Он достаточно оставил позади. Все ради...

— Возлюбленная.

Гинур ахнул.

— Вот это да... — он потер нос. — За столицу не выезжал, а подружку нашел в тех краях? Это же сколько чернил ушло... Хотя, помнится, и я в молодости таким увлекался. Вот так разъезжаешь, а хочется...

Лилиас поначалу слушал его внимательно, но скоро отвлекся и потерял суть. Гинур болтал много, и его уже не волновало, отвечает Лилиас или нет.

Они подъехали к лесу, остановились у стражей.

Лилиас посмотрел вдаль. На очертания кладбища.

Рука потянулась к мечу, что лежал рядом. Он аккуратно погладил ножны, подушечками пальцев обводя узор.

Их дорога шла через Сатариз. Все тело сковало, стоило увидеть эти улицы. Но их пребывание здесь ограничилось рабочими моментами Гинура. Он перегрузил ящики, заменив одни на другие, и заодно немного размялся.

Они продолжили путь.

Лилиас наблюдал, как перекачивается солнце. Как небо меняет окрас. Как появляются первые звезды.

Первый ночлег был в какой-то деревушке. Гинур почему-то был знаком со всеми, кого они встречали. Но при этом они должны были ночевать на сеновале.

После целого дня езды все тело ныло, хотя Лилиас пытался немного размяться в поездке. Он читал о том, что в таких поездках часто ночуют на земле — не то что на сене. Посчитал, что это может быть довольно удобно, поэтому без колебаний плюхнулся туда, как если бы перед ним поставили кровать.

Тело прострелило. Но подняться уже не смог. И руки, и ноги онемели.

Он с трудом повертел головой, осмотрелся.

Стоило выбрать место, где слой сена больше.

Гинур болтал с кем-то за дверью сеновала, Лилиас видел лишь очертания в дверной щели.

— Столько лет прошло, а вы все о том же! Будет ли раз, чтобы я приехал сюда и не услышал этого?

— Так правда же, братец! Рядом же все происходило, вот и болтаем. Герой-то в одиночку порт отвоевал. С одним лишь кристаллом ветра — да все море заморозить! А если бы не отвоевал, то бы еще было! Ни сена тебе, ни хлеба.

Хлеба было бы хорошо...

Лилиас не мог не слышать их разговоры.

Шумно. Пахло пылью. Холодно. В животе пусто.

Как вообще можно так спать?

Но глаза закрывались сами собой.

В последний момент, прежде чем провалиться в сон, Лилиас почувствовал легкий запах хлеба. Но не смог открыть глаз. Может, приснилось.

Очередной сон. Такой яркий, настоящий.

Он лежал среди трупов, на пропитанном кровью снежном поле. Не смотрел на свое тело, но чувствовал кожей, как ноет что-то между спиной и грудью. Словно его проткнули и выкачали кровь. Его точно кто-то держал на руках, раз он еще что-то видел, а не утонул в снегу. У уха раздавались приглушенные крики, которые он не мог разобрать.

Постепенно снег, что еще оставался белым, краснел.

Он едва держал глаза открытыми. Смотрел вдаль, на множество удаляющихся силуэтов. Они все были размыты. Кроме одного.

Он остановился. Развернулся.

Лица не видно. Только светлые волосы.

Черная форма специального отряда.

Глаза медленно сомкнулись.

Лилиас вскочил в холодном поту. Тяжело дыша, он едва осознал себя.

Рефлекторно ощупал тело. Ни на груди, ни на спине ничего не было, хотя боль словно все еще оставалась.

Лилиас опустил взгляд, посмотрел в сено.

В сенник вошел Гинур. Он протянул ему булку хлеба, флягу.

Все мысли вылетели из головы. Схватил.

Сжевал все сразу же. Черствый хлеб крупными кусками царапал горло, но в желудке потеплело. Он выдохнул.

По дороге Гинур продолжал болтать рядом, а Лилиас клевал носом. Ритмичный шум колес и топот копыт убаюкивали.

В голове то и дело крутился сегодняшний сон.

Это продолжалось уже три месяца. С того момента, как *она* ушла.

Редкие сны. Яркие, как воспоминания.

Воспоминания.

Он думал об этом уже давно. Их сознания связаны, это не новость. Но ему не давал покоя вопрос — почему именно сейчас?

Был ответ, в который он хотел верить.

Может быть, после того, как кристалл разбился, он и не видит ее.

Но она все еще есть где-то там.

И когда она предается самым ярким воспоминаниям, он может видеть их.

Он улыбнулся. Но со вздохом улыбка спала.

Если так...

Она вспоминает свою смерть.

И другие воспоминания, что заставляли его со слезами вскакивать среди ночи, были не лучше.

Когда они добрались до Идельви, Лилиас уже не чувствовал, что его клонит в сон, хоть они и остановились в этот раз

в приличной таверне с кроватями.

После ужина он написал письмо матери. Длинное, сбивчивое — про дорогу, про Гинура, про хлеб на сеновале. Письмо королю вышло короче, но на него ушло вдвое больше времени. Каждое слово приходилось взвешивать. Перо шло заметно тяжелее.

В голове было пусто. Ни мыслей, ни тревог — только гул после долгой дороги. Он решил развеяться.

Гинур на первом этаже таверны выпивал в компании девушек. Лилиас столкнулся взглядом с одной из них, она помахала ему. Он прошел мимо.

На улице было намного тише.

Здания не сильно отличались от тех, что в столице. Улицы похожи. Разве что нет широкой главной улицы. А переулки все те же.

— Хэй! — донеслось сверху.

Лилиас вздрогнул. Поднял голову.

На колокольной башне сидели пять человек.

Он коснулся своего пояса, где был спрятан кинжал.

— Ты же с Гинуром? Давай к нам! — мужской голос звучал на всю улицу.

Лилиас убрал руку. Пощурился. Осмотрелся.

Раскричались...

Когда повернулся обратно, увидел, как одна из дверей открылась. Оттуда вышел парень, что по одежде не был похож на простого горожанина.

Лилиас зашел с ним и поднялся по лестнице.

Наверху было просторнее, чем казалось. В центре висел огромный колокол. Компания сидела на краю без опаски, рядом валялись бутылки.

Лилиас остался стоять ближе к колоколу.

— Так откуда вы...

— Да Гинур уж все уши прожужжал про своего нового путника, как не узнать? — ответил парень с янтарными, как мед, глазами. Он же и кричал с башни. Похож на его ровесника. — Так как тебя зовут?

— Этого Гинур не сказал? — Лилиас наклонил голову.

Они посмеялись.

Лилиас поджал уголок губ.

— Лилиас.

— Приятно познакомиться. Я Ремир, — он протянул руку для рукопожатия.

Лилиас ответил тем же.

Сидящая рядом с Ремиром девушка оказалась его женой, и остальные также по очереди представились.. Дошло и до парня, который провел Лилиаса.

— Диаспо, — парень, который проводил его по лестнице, поклонился в более манерном жесте.

И правда, аристократ...

Лилиас кивнул.

— Итак, Лилиас, куда путь держишь? Чего решил прогуляться в такое время?

В этом месте пахло перегаром. Хотя и не так сильно, как в таверне.

— Есть дела, — он отодвинул бутылку и сел рядом с колоколом. — Захотелось проветриться, пока сон не идет. А вы почему здесь?

— Каждое полнолуние собираемся, тебе просто повезло нас встретить, — Ремир с другом посмеялись.

Да как же.

— Смотрите на луну?

— Да-а, мой брат это начал. Так и собираемся, как война закончилась. Выпить, забыть обо всем плохом и прожить новый месяц без тревоги.

Лилиас сцепил пальцы.

— Помогает?

Впятером они согласно кивнули.

— Нас так судьбой свело, чего бы не помогать? — продолжил другой. — Уже и не помню, как жил раньше. Вроде скитался туда-сюда, дома у меня и не было. А здесь все образумилось. Этот негодник взял да приютил меня, — он потрепал Ремира по голове, отчего тот засмеялся.

— Еще бы такую подбитую собаку не взять.

Лилиас улыбнулся.

— А вы...? — он повернулся к аристократу.

— О, этот важный. Из дома сбегает, даже после свадьбы, — друзья в один голос захохотали.

Диаспо усмехнулся. Положил руку на сердце и кивнул.

— Наследный граф Ниргер, Диаспо Ниргер. Но, прошу, здесь без официоза...

Лилиас издал тихое: «О...» и невольно посмотрел на Ремира с женой.

— А мы здесь жили, — парень игриво обнял жену, она покосилась на него. — Уже как пару лет женаты, ребенок с бабушкой сидит.

Лилиас поперхнулся.

— Ребенок?!

— А чего? — Ремир тут же перестал улыбаться, приподнял одну бровь.

Замахал руками.

— Н-ничего... А сколько вам...?

— Девятнадцать.

Он еще раз покашлял. Потер губы рукой.

И правда, ровесники...

— А тебе сколько?

— Да также...

— Неужели поехал в путешествие женушку искать? — жена Ремира присоединилась.

— Н-нет... Я не планирую...

Они переглянулись.

Что ж такое то...

— Она тоже в девках сидит, да ведь есть почему, — Ремир указал на девушку, что сидела чуть поодаль. — Она возлюбленного на войне потеряла, а ты чего?

— Что...?

— Она была влюблена в моего брата. Он погиб в последний год войны. Так и не интересовалась никем. Хотя, кажется, недавно ей начал нравиться тот булочник, а? — Ремир легонько похлопал девушку по плечу.

Выпить, забыть обо всем плохом и прожить новый месяц без тревоги...

Сердце сжалось. Прищурился.

— Я... сожалею...

— Расслабься, парень. Было и было, — друг Ремира сделал глоток.

Лилиас распахнул глаза. Проморгался.

— Было и было...?

— Надо жить дальше, вот что.

— Это верно сказано, брат, — они вдвоем чокнулись.

— Конечно, но ведь... память о погибших... — уголки губ Лилиаса дрогнули. — Ведь каждому хочется, чтобы его помнили после смерти...

— Какая ему разница, когда он погиб? — Ремир смотрел на него, приподняв бровь.

Лилиас нахмурился.

«— Прости, что не создала себе репутацию получше.

Он поднял взгляд. Смотрел на нее.

Уголки ее губ впервые дрогнули перед ним. Но в этом было только сожаление.»

Что бы она сказала, услышав эти слова?

Что бы она чувствовала?

— Ему разницы нет. Но для вас не имеет значения, что вы так взяли и вычеркнули важного человека из своей жизни?

— Лилиас уставился на парня.

— Слушай, — Ремир поставил бутылку и развернулся. Выражение его лица было далеко от прежней расслабленности. — Для меня имеет значение тот, кто спит в колыбели у моей матери сейчас. А не тот, кто ушел больше восьми лет назад, — он встал на ноги, подошел. — Твое право — копаться в прошлом. Мое — строить будущее. И не надо говорить так, будто это плохо.

Лилиас поднялся на ноги и сделал шаг назад. От рассерженного Ремира несло перегаром.

Девушка позади взяла его за руку. Ремир развернулся и вздохнул.

— Лилиас, твои слова немного... — Диаспо подошел к нему в попытке разъяснить ситуацию.

Лилиас дернулся.

— «Немного»?

— Каждый переживает горе, как он может. Да и Ремир прав — погибшим уже все равно...

Лилиас прищурился. Его взгляд бегал по его выглаженной одежде, уложенным волосам, бледной коже. Он шагнул вперед.

— Ваше Сиятельство, наследный граф Ниргер. Разве вы также не потерпели потери? — еще шаг. — Неужели вам все

равно на жизнь каждого, кто погиб, защищая ваш комфорт?

Диаспо сделал шаг назад, но уперся в колонну.

— Лилиас... — женский голос со стороны.

— Мне не о чем жалеть, наши люди живы и здоровы. В военное время и так достаточно людей, что борются за престол славы, так что мы предпочли остаться в стороне и дать свободу другим.

Он вытянулся. Каждая мышца становилась все тяжелее, будто наливалась кровью. Это дошло и до мозга.

Престол славы?

Свобода другим?

Селена...

— ДА КАК ТЫ!... — он потянул руки к Диаспо.

В ушах раздался звон. Он не успел среагировать, едва ли сохранил равновесие.

— Ремир! — женский голос звучал приглушенно.

Он нащупал опору рядом. Немного пришел в себя. Только после ощутил острую боль в щеке. Чувствовал, как пульсирует каждый зуб. Даже двигать челюстью было больно.

Тихо прошипел. Поднял взгляд.

Все, кто был, столпились вокруг Ремира. Он же продолжал смотреть на Лилиаса.

— Прости, думаю мы пойдем, — коротко брошенная фраза, прежде чем они все пошли к лестнице.

Только девушка, о которой они говорили, задержалась. Посмотрела на Лилиаса, помялась. Ее губы пошевелились,

но она так ничего и не сказала.

Помахала рукой.

И догнала своих друзей.

На колокольне остался он один.

Прохладный вечерний ветер постепенно приводил его в чувства. Вместе с этим боль становилась отчетливей.

Он прислонился спиной к колонне и скатился вниз.

Щеки жгло горячими слезами. Сначала он не заметил. А потом перестал различать очертания чего-либо. И понял, о чем не хотел думать. Мысли, которых он избегал.

Селена.

Селена. Селена. Селена.

Обнимая себя, он все сильнее сдавливал плечи. Кулон впивался в грудь.

Несправедливо жила. Несправедливо сражалась за этих людей. Несправедливо умерла, преданная собственным отрядом. Несправедливо...

Он всхлипнул.

Опустил голову на колени.

Прости меня...

Глава 2 — Прибытие в Пасфур

— Ну, выглядит уже получше. Мази твоей мамы чудотворны, это правда, — Гинур разговаривал с набитым ртом, проглатывая еду между предложениями.

Лилиас ковырялся ложкой в каше. Коснулся щеки.

Все еще опухшая и болит. О каком «лучше» он говорит?

— Брось так переживать, я не скажу Камилле. И ты не пиши лишнего. Для мужчины нормально драться, да еще и с кем? С теми ребятами, то-то нашел чего стыдиться! Они славные, с ними и подраться не жалко. Если бы моя покойная матушка журила меня за каждый синяк...

Лилиас вздохнул и положил ложку.

— Я возьму сока.

— Возьми кружку пива!

Не глядя на мужчину, он кивнул и отошел к барной стойке.

Гул таверны, смешанные запахи, от которых поначалу воротило, витающий в воздухе хмельный шлейф. Он начал привыкать. Это уже не так беспокоило.

Беспокоило собственное бессилие.

Недостаточно.

Недостаточно...

Казалось, что всего, что он делает, недостаточно. Путешествует, помогает разгружать ящики. Это и есть та самая до-

рога, которой так боялась Селена?

Это и есть то, что он откладывал целых четыре месяца?

Он подошел к хозяину за барной стойкой.

— Яблочный сок и кружку пива.

Протянул пару монет. Хозяин забрал, отвернулся.

Лилиас развернулся, оперся о столешницу. Взглядом скользнул по посетителям таверны.

Все, что упиралось в Селену, заводило его в тупик. Любые упоминания. Любые попытки узнать.

Но так не могло продолжаться вечно.

Сколько людей отсюда смогли бы ему ответить, если бы он спросил о ней? Ведь по карте Селена должна была быть здесь со специальным отрядом, проезжать мимо.

Столешница раздалась глухим ударом.

Лилиас обернулся, посмотрел на кружки.

Поднял голову.

Они столкнулись взглядом.

Лилиас пододвинулся, хозяин вопросительно приподнял бровь.

— Уважаемый... Скажите, слышали ли вы что-то о Селене Ригельман?

Тот пару раз моргнул, прежде чем ответить.

Пожал плечами, помотал головой.

Несколько дней спустя Лилиас рассматривал карту в трясущейся повозке.

Он потер глаза, придерживая карту локтем. Снова не вы-

спался.

— Хоть один ответ тебя устроил? — вздохнул мужчина.
— Что ж это ты вынюхиваешь эдакое? Меня уже по твоим вопросам скоро прославят. — Гинур толкнул его в плечо.

— Специальный отряд. Они ехали этой дорогой, — Лилиас ткнул пальцем на город, который они проехали, и повел по дороге. — Хоть и военные действия смещены, они точно останавливались где-то тут. Их должны были запомнить. Но никто ничего не может сказать об их капитане. Только «может быть» или «не помню». Зато как легенды рассказывать...

— Странно они реагируют. Завязывал бы ты, не к добру это... Как, говоришь, имя ее? Сена Рильман?

— Селена Ригельман. Не могу поверить, что вы не слышали, — Лилиас посмотрел на него и нахмурился.

— Далек я от всего этого, сам-то только легенды о войне и слушаю. Как приспичит кому-то поболтать, уже и наизусть выучишь... — Гинур зевнул. — В Пасфуре этого добра навалом. О, а ты слышал легенду о духе шахтера в пещере вблизи города подальше? Будем проезжать, покажу тебе. Местные говорят, оттуда доносятся звуки...

Легенда о духе шахтера?

Помотал головой.

Нет, такие легенды всегда были и есть. Нужно собраться.

Лилиас опустил взгляд на карту, массируя точку между бровями.

Пасфур.

Последний рубеж для вражеской армии. Отправная точка, откуда уходили северный и восточный фронт.

Здесь, в деревне Илл, специальный отряд понес значительные потери. Причина этого была покрыта мраком.

Здесь, в поместье виконтессы Лерион, специальный отряд провел два месяца. Место, где Селена два месяца «приходила в себя».

— Вы знаете виконтессу Родоли Лерион? — Лилиас постучал пальцем по карте.

— Властительница местная, как не знать.

Убрал руку от лица и снова нахмурился.

И какая логика в том, кого он знает, кого нет?

— Можно ли попасть к ней на прием?

— Да ну ты это брось, что за мысли? Виконтесса народ любит, но не нравится мне, с какими мыслями ты хочешь к ней пойти.

— Народ любит?

— Ну да, — Гинур повертел головой, хрустнул шеей. — Славится этим, народ защищает свой. Особенно поселеньице новенькое дальше у речки. Правда, потому и осторожная.

Он посмотрел на карту. Вдоль речки не было никакого поселения.

Осторожная...

Если вспомнить, он ни разу не натыкался на имя виконтессы в записях. Словно бы она и не участвовала в войне, хоть виконтство и было в центре событий.

Их что-то объединяет с Селеной.

В таком случае, даже если он напишет королю Лексиэну с просьбой, и виконтесса примет его, сможет ли он получить хоть кроху информации?

Голова разболелась.

Постучал по карте.

— Деревня Илл находится неподалеку. Мы не могли бы заехать туда?

— Нет-нет, это грешно. Не полезу туда, — категорично помотал головой.

Лилиас наклонился.

— Почему?

— Место заброшенное, мало ли кто там ходит? Слухи ходят всякие — так и в духов поверить не сложно.

Нахмурился.

Что ж такое?

Неужели ему в ночь придется идти туда самому пешком? Хоть глазком увидеть...

В голову стрельнуло.

Он моргнул. Опустил взгляд.

Слухи. Легенды.

«В Пасфуре этого добра навалом».

— Гинур, а кто разносит слухи в Пасфуре?

— О, да кто угодно болтает. Но завязывал бы ты у каждого спрашивать. Не нравится мне это. Лучше бы спросил у девушки одной, рассказчица та еще! Иногда кажется, буд-

то сама все и придумала... О, подружился бы вы, точно говорю! Резвая, улыбчивая! Точно рассказала бы тебе всякого полезного, — Гинур посмеялся. — Хотя увидеть ее раз на раз не приходится. Работает часто, уж специально не выловишь. Жаль-жаль! А ведь в ее присутствии женщины не против сколь угодно вместе сидеть, а то и больше... А без нее подойдешь в таверне — так и спровадят. Хотя смотришь — вроде бы заинтересованные. Иначе зачем бы прихорашивались? А их духи с розой...

Лилиас сморщился.

Закатил глаза.

Снова уткнулся в карту.

Дервня Илл, виконтесса Лерион, узнать о слухах...

У него есть всего одна ночь.

Нужно выбрать.

Они прибыли в Пасфур ближе к вечеру. Бросилось в глаза, что город стоит на возвышенности. Похоже на рельеф столицы.

Когда закончили с делами, уже почти стемнело. Гинур встретил на улице знакомых и, увязавшись за ними, велел Лилиасу идти первым и снять для них две комнаты.

Лилиас почти словил дежавю, но денег Гинур не дал.

Он зашел в таверну, про которую шла речь, и протянул оплату хозяину.

— Одну комнату и что-нибудь на ужин, пожалуйста.

Владелец хмуро взглянул на него. Забрал деньги.

— Эм, и простите... — Лилиас сел за барную стойку и оперся на столешницу. — Вы, случайно, не слышали о Селене Ригельман?

Мужчина стал еще более хмурым.

Угадал?

— Не знаю.

Лилиас прищурился и выдохнул.

Понятно...

— Тогда, может, какие-нибудь слухи о деревне Илл? Или о других действиях специального отряда? Что-нибудь? Может, вы знаете девушку, которая знает?

Владелец стукнул кулаком по столу.

— Заткнись и не пугай мне клиентов.

Лилиас цыкнул.

Опустил голову.

Поджал плечи.

Раз не хотят говорить, придется где-нибудь раздобыть лошадь и наведаться в деревню Илл... Но если она заброшена, что толку?

Он сидел молча некоторое время. Слушал гул таверны, хоть тут и было немногочисленно. Пытался собрать мысли во что-то цельное.

К нему подошли.

— Милый, чего нос повесил?

Не просто подошли, к нему прижались. С двух сторон на его плечи надели, руки оказались зажаты.

Лилиас помотал головой.

— Юный господин совсем один, как же такое возможно? Он дернулся, вскочил на ноги. Они отошли.

Женщины лет так тридцати пяти. С ярким макияжем, который бросался в глаза. Сквозь запах пудры отчетливо чувствовался аромат дешевых духов с розой.

Распахнул глаза.

— Что пугаешься? Тетеньки тебя не обидят, мы лишь только позаботимся.

— Как о таком малыше да не позаботиться? Не выпьешь с нами, м?

Одна взяла его под руку.

Он нахмурился.

Хотел вырвать руку. Уйти отсюда.

Но сдержался.

Это те женщины, о которых говорил Гинур, да? Если они знакомы с той девушкой, они могут привести его к ней?

Проглотил ком в горле.

Сел на стул, который отодвинули для него.

За столом сидели трое женщин. Две сели по бокам от него. Третья не вставала все это время, только оценивающе смотрела и улыбалась.

— Милый, кто же тебя обидел? Позволь нам утешить тебя!

— Юный господин, должно быть, очень тоскует...

Дама положила ладонь на его. Сжал руку в кулак.

— Я в поисках... человека, кто мог бы помочь мне. Девушка, которая знает о местных слухах. Говорят, она занятая и встретить ее сложно, но если вы знакомы...

Дамы по сторонам от него замолчали.

Улыбка той, что напротив, стала шире.

— Слухи, девушка... Откуда же нам знать?

Проглотил ком в горле.

— Гинур... сказал, вы могли бы быть знакомы.

— О... — протянула женщина.

Она выпрямилась. Оперлась на столешницу и подперла стол рукой.

— Золотце, отчего манят тебя слухи? Приезжий, а словно бы жить тут собрался. Хочешь знать о том, что тут творится хорошего-нехорошего?

— Есть причина, — он вытащил руку из под дамской и спрятал ее под стол. — Дело в том, что это связано с девушкой, в которую я влюблен. Мне нужно узнать больше о... Селене Ригельман, госпожа.

Он выдохнул.

Она прищурилась, как довольный кот.

— Вот как? Золотце, не путаешь ли ты что-то? Боюсь, та, о которой ты говоришь, погибла как восемь лет. Не правда ли, что ты тогда еще под стол ходил?

Лилиас поджал губы.

Знает.

Она знает.

Сердце забилося чаще.

Нужно цепляться.

Он должен цепляться.

Вдохнул.

Я должен их убедить...

— Мы... состояли в тайных отношениях до ее ухода на войну, — он трагично отвел взгляд. — Виделись в королевской библиотеке. К сожалению, после ее смерти, я... оказался под стражей. Из-за возникших слухов о ней, меня сочли сообщником. Мне было уготовано провести восемь долгих лет в тюрьме, но как только я увидел белый свет... — вдохнул воздуха. — Я решил отправиться за ней! Я не верю в ее смерть, это невозможно! — хлопнул рукой по столу.

Втроем женщины внимательно его слушали. Вся таверна будто замерла. Стало так тихо, что он услышал биение своего сердца.

В щеках стало горячо. Он поджал губы и опустил голову.

Прости. Прости, Селена!

Женщины рассмеялись.

А громче всех смеялась та, что сидела напротив.

Лилиас сжал руку в другой под столом.

— Золотце! Наверное, тяжело переживать такое горе! Вдали от любимой, в беспросветной тоске... Позволь тебя утешить!

Она встала и медленно обошла стол. Две других быстро собрались и скучковались в стороне.

— Я позабочусь о тебе как следует. Все твои тяготы и тревоги... А если будешь хорошим мальчиком, может я расскажу тебе о девочке, что ты ищешь?

Он дрогнул.

Не смотрел на женщину. Смотрел на стол, перед собой.

Сердце заходило.

Вот оно. Он должен узнать.

Но как же может...

— Я знаю, как тебе тяжело. Знаю, как больно. Просто закрой глаза... — женщина обошла его и коснулась его плеч.

— Представь ее и... Дай мне вести тебя.

Он прищурился.

Каждая мышца была в напряжении. Он словно в ловушке.

Но такой момент...

Ладно.

Отступить нельзя.

Он медленно закрыл глаза.

Позади слышал тихую усмешку.

Пальцы стали нежно обводить его плечи, переходя к ключицам.

— Представил?

Он робко кивнул.

Голос дамы зазвучал ближе, тише.

— Скажи... Скучаешь ли ты по мне?

Темнота перед глазами. Почти также, как в тех снах, где они были вдвоем.

Представить ее?

Белый силуэт, словно светящийся в темноте.

Сказала бы она ему эти слова? С каким лицом она бы это сделала?

Он не мог представить.

— Больше, чем тебе кажется, — тихо прошептал он, не сдержав улыбки.

— Тогда позволь мне коснуться тебя и почувствовать твоё тепло.

Силуэт перед глазами подошел ближе, но он все еще не мог разглядеть ее глаз.

Касания на теле сместились в сторону. Женщина обошла его сбоку. Положила руку на плечо и замерла.

Он уловил на губах ее дыхание.

Распахнул глаза.

— Любимая, ты знаешь, что я боюсь поцелуев!

Он откинулся, одной рукой удерживая себя на стуле, другую выставив между собой и дамой.

Она наклонилась и чмокнула его ладонь. Взяла руку, притягивая Лилиаса к себе. Заставила его встать.

— Я уверена, что все будет в порядке! Только ты и я, что же тут страшного?

Лилиас отшагнул, ловко избегая ее объятий. Женщина продолжила наседать. В таком темпе они двигались к лестнице.

— Столько лет тоски — не хочешь ли ты почувствовать

тепла? Ласки, что была невиданна прежде. Ты получишь больше, чем кажется, любимый!

Они поднимались по лестнице, и он давал себя вести. Но не заметил, как они уже оказались наверху, на пороге комнаты.

— Просто дай мне быть с тобой этой ночью. Только ты и я. Дай мне заполнить пустоту в твоём сердце...

Он смотрел внутрь темной комнаты и не успел отойти, как его толкнули в спину.

Лилиас уперся ладонями в дверной проем и с улыбкой обернулся.

— Но что, если я потеряю голову от любви и больше никогда не найду тебя? — он развернулся и взял женщину за руки. — Могу ли я узнать хоть что-то, прежде чем отдамся этим сладким фантазиям...? — он прижал ее руки к своей груди, к сердцу.

Он делал небольшие шаги, заставляя ее отодвигаться, пока та не уперлась в стену. Тогда он взял ее за запястья и прижал.

Ее грудь тяжело вздымалась, щеки горели, улыбка была неровной. Это больше не та расчетливая женщина, которую он видел внизу.

Она закусила губу.

— Конечно, ведь... возможности может и не быть, правда?

Лилиас улыбнулся.

— Так где же мне найти девушку, что позволит мне больше узнать о тебе, любимая?

— ... вечером в таверне с другого конца улицы, полагаю? Должно быть, сегодня там можно услышать много интересного...

С другого конца улицы? Но уже ночь, она еще там?

— Золотце... — толкнула его в грудь, перехватывая инициативу. — Теперь время подумать о других вещах, верно?

Она вела его обратно к открытой комнате.

Лилиас увернулся и отошел к лестнице.

— Но я так смущен!

— Любимый...

Он трагично вскинул руками.

— Я готов умереть для тебя, но я не готов... предать свою верность, прости!

Женщина замерла. Нахмурилась.

Он улыбнулся ей. Помахал рукой и побежал по лестнице.

— Хэй! — закричала та вслед.

Две другие дамы обернулись на него. Он прошмыгнул мимо и выбежал из таверны.

На всякий случай пробежал подальше, скрылся за поворотом.

Только тогда смог перевести дух.

Тяжело выдохнул.

Громко отряхнул руки, плечи, рукава одежды.

Какое липкое ощущение.

Надо будет отдать ключ от комнаты Гинуру.
Он выглянул, убедился, что никого рядом нет.
Посмотрел в другой конец улицы.
Сжал руки.